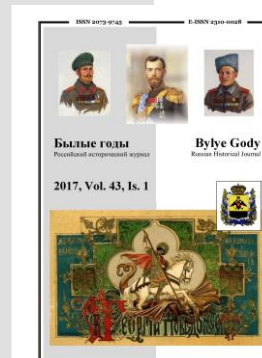

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 218-226, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.218
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.23:323.2(470+571) «1904/1905»

Military-Political Events in the History of Russia in 1904–1905 in Interpretation of the German Naval Attaché P. Hinze

Stanislav N. Sinegubov^{a, *}, Sergei P. Shilov^a

^a Ishim Teacher Training Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University, Russian Federation

Abstract

In the given article the author analyzes how the German naval attaché P. Hintze interpreted the military-political events in Russia in 1904–1905 and refers to some German archive documents introduced for the scientific use in the native historiography for the first time. This subject is revealed by means of the special study of the reports of one of the representatives of the Second Reich which touch the most topical issues connected with revolutionary actions in the navy, the reasons of their origin, moods among the officers, the factors which caused the «Tsushima tragedy». The author comes to the conclusion that P. Hintze's observations and references in general were characterized by analyticity, accuracy and completeness, despite the speed of the change of «military-political scenery». The German naval attaché could achieve such a positive result not only thanks to his openness, his ability to gain people of different «levels and estates» and to obtain the necessary information from different sources, but also his ability to analyze it, sort out the main and essential facts and on the basis of it to predict the further development of the political and military situation in Russia. Without any qualms, the high quality of the substantial data sent by P. Hintze to various government structures of Kaiser Germany – from A. Tirpitz to Wilhelm II – influenced greatly on the development of the «Russian policy» in Germany.

Keywords: The Russian Empire, Kaiser Germany, naval attaché, bourgeois revolution 1905–1907, revolutionary actions in the navy, the Russo-Japanese War 1904–1905.

1. Введение

В 1904–1905 гг. Россия переживала судьбоносные события, предопределившие ее последующее развитие. Речь идет о революционных волнениях, захвативших даже армию и флот, а также крайне неудачном ходе войны с Японией. Руководство кайзеровской Германии, столкнувшееся с новыми внешнеполитическими реалиями в виде начинающегося обострения отношений с Великобританией, и в первую очередь в области военно-морского строительства, оформления англо-французского «сердечного соглашения», носившего явно антинемецкий характер и тяготевшего к уже сформировавшемуся франко-российскому союзу, уделяло самое пристальное внимание тому, что происходило в пределах «восточного соседа» (Синегубов, 2009: 202-205). У официального Берлина были свои виды и далеко идущие планы в отношении России. Для выстраивания долгосрочных, надежных и предсказуемых с ней связей необходимо было располагать исчерпывающими и достоверными сведениями. В числе важных информаторов для политического и военного руководства II-го рейха о положении дел в российской империи был морской атташе в Петербурге П. Гинце, назначенный на эту должность в 1903 г. В 1904–1905 гг. он отправил в Берлин значительное число посланий, в которых на основе собранного им материалов и свидетельств представил оценку происходивших событий. Это в определенной мере оказало влияние на

* Corresponding author

E-mail addresses: globus_75@inbox.ru (S.N. Sinegubov), sshilov@mail.ru (S.P. Shilov)

проводимую немецкими властями политику в отношении российского государства. В советской, постсоветской историографии «гинцевский» аспект не получил специального изучения, что не позволяет говорить об исчерпывающем изучении всех факторов, обусловивших окончательный вектор политики германского руководства в отношении России в указанный период времени.

2. Материалы и методы

При написании данной статьи основным источником явились изданный в 1998 г. Исторической комиссией при Баварской Академии наук сборник документов «Paul von Hintze. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918», оригинальные материалы германского Военного архива во Фрайбурге (ФРГ), а также публикации, относящиеся к характеристике российских военно-морских сил в 1904–1905 гг. Кроме того, авторы использовали некоторые собственные исследовательские наработки, касающиеся деятельности П. Гинце.

При написании работы использовался комплекс методов научного исследования. Идеографический метод позволил выявить общее видение германским морским атташе ситуации в российском флоте в период революционных и военных потрясений 1904–1905 гг. Он также помог определить характеристики немецкого представителя настроений в офицерской среде в отношении действий власти по усмирению «бунтовщиков», к личности царя Николая II, обрисовать гинцевский взгляд на основные причины распространения мятежных чувствований среди матросов. Наконец, с его помощью показывается степень объективности оценок германского атташе причин поражения России в морском противостоянии с Японией. Сравнительно-исторический метод дал возможность сопоставить референции П. Гинце с объективно-научными данными, накопленными в отечественной историографии. Историко-генетический метод раскрыл причинно-следственные связи активизации деятельности немецкого уполномоченного в 1904–1905 гг. с усилиями официального Берлина не допустить формирования антигерманского российско-франко-британского политического и военного союза. Системный метод выявил масштабность задач, решаемых П. Гинце в России. Он «работал» не только на военно-морского статс-секретаря А. Тирпица, но и на рейхсканцлера Б. Булова и самого кайзера Вильгельма II. Метод сравнительного анализа вскрыл взвешенный и разносторонний поход немецкого атташе к отбору источников информации для последующей ее передачи в соответствующую имперскую инстанцию. Историко-ситуационный метод выявил связь сюжетов посланий из Петербурга с текущей внутренней и внешней политико-военной ситуацией. Для группирования и упорядочивания по содержанию различных донесений П. Гинце использовался историко-типологический метод. Диалектико-материалистический метод способствовал всестороннему политическому, военному и субъективно-личностному пониманию факторов, влиявших на результативность профессиональной деятельности германского морского атташе в России в 1904–1905 гг.

3. Обсуждение и результаты

В отечественной историографии заявленная тема специально не рассматривалась даже в новейших исследованиях по русско-японской войне (Павлов, 2016). То же самое относится и к трудам, в которых поднималась проблема германо-российских морских взаимоотношений в предвоенный период. Речь идет о работах В.М. Хвостова, Б.М. Туполева, И.Ф. Сокольской, Д.В. Лихарева (Хвостов, 1963: 128-133; Туполев, 1982: 123-164; Сокольская, 1986: 74-99; Лихарев, 1998: 537-554). Более близко к изучаемому вопросу подходил историк С.П. Шилов. В одном из исследований он использовал донесения германского атташе, чтобы охарактеризовать видение главой немецкого морского ведомства А. Тирпицем перспектив русско-японской войны, ее хода и результатов (Шилов, 2004: 52-68). Основное внимание автор уделит, прежде всего, внешней военно-политической составляющей, в то время как внутривнутриполитические характеристики П. Гинце затрагиваются им косвенно.

Если говорить о трудах немецких исследователей, то они, безусловно, достаточно подробно изучили вопрос, связанный с деятельностью института германских морских атташе в ведущих странах мира, в том числе и в России, в период до 1914 г. (Гисслер, 1972). Однако «русскому сюжету» там не уделено какого-то особого места, тем более периоду 1904–1905 гг.

Таким образом, донесения немецкого морского атташе, в которых дается оценка событий, происходивших внутри России в 1904–1905 гг., не получили должного освещения, а без их учета нельзя говорить об исчерпывающем изучении всех обстоятельств и нюансов, влиявших на формирование «русской политики» II-го рейха.

Все донесения П. Гинце изучаемого периода в содержательном отношении условно можно разделить на несколько групп. В качестве определяющего принципа такой детерминации выступает проблема, поднимаемая автором в документе. Одним из актуальных и военно-политических острых вопросов, по мнению германского военно-морского атташе, являлась благонадежность, верность присяге экипажей Черноморского и Балтийского флотов в период волнений конца 1904 – середины 1905 гг. Так еще в конце декабря 1904 г. П. Гинце сообщал, что произошедшие в ноябре 1904 г. в Севастополе выступления не носили политического характера. Они, как он считал, стали результатом раздутого скандала, связанного с запретом увольнения матросов в город. Речь шла о том, что 3 ноября

1904 г. вице-адмирал Г.П. Чухнин, главный командир Черноморского флота и портов Черного моря, получив от гражданских властей Севастополя предупреждение о возможных волнениях портовых рабочих, запретил отпускать кого-либо из казарм экипажей. Это вызвало не только возмущение, но и настоящий бунт сотен матросов. Для их усмирения пришлось вызывать вооруженный караул.

В целом же команды, по мнению П. Гинце, оставались лояльными по отношению к властям. При этом он ссылается на мнение не кого-нибудь, а самого вице-адмирала Г.П. Чухнина. Последний в беседе с немецким атташе, сравнивая матросов Черноморского и Балтийского флотов, отмечал, что черноморцы, конечно, «более динамичны, возбудимее, чем наши люди на севере, но не такие упрямые как те, и ими не трудно управлять. Это прекрасно развитые в физическом отношении парни, причем осознающие это достоинство. Таких крепких и сильных матросов на Балтийском флоте не так много» (Paul von Hintze, 1998: 156). Конечно же не только и столько именно эти характеристики интересовали в первую очередь П. Гинце. В стране после 9 января 1905 г. явно отмечался рост революционных настроений в самых разных социальных слоях, в том числе в армии и на флоте, что выливалось в конкретные антиправительственные выступления. В этих условиях вопрос о том, на чьей стороне будут военные, приобретал политически важный стратегический смысл. Оценивая критически информацию, поступающую из разных «горячих точек», П. Гинце в целом давал положительный для властей ответ. Он в частности писал, что во время январских забастовок и восстания (9 января 1905 г.) «половина экипажей в Севастополе и Кронштадте принимали участие в обеспечении порядка, не допуская возмущений. Когда же поползли совершенно другие слухи, пишет П. Гинце, «я лично получил сведения от экипажей, что они были абсолютно надежны» (Paul von Hintze, 1998: 157).

Даже сразу после выступления матросов на броненосце «Князь Потемкин Таврический» летом 1905 г., о котором у немецкого атташе поначалу было немного сведений (он узнал лишь из достоверного источника, что бунт возглавил лейтенант, часть офицеров корабля была выброшена за борт, а другая – арестована) делалась констатация о предсказуемости и что самое главное – верности флота царю и правительству. А вот действия некоторых высших офицеров Черноморского флота по локализации «революционного очага возгорания», напротив, вызывали у П. Гинце непонимание и даже недоумение. Речь шла об операции Практической эскадры под командованием старшего флагмана, вице-адмирала А.Х. Кригера. Это соединение, состоящее из пяти броненосцев и шести миноносцев и пришедшее из Севастополя, 30 июня 1905 г. появилось на рейде Одессы, чтобы принудить повстанцев на «Потемкине» к сдаче. Однако задуманный план начал давать сбои. Входящий в экспедиционный отряд броненосец «Георгий Победоносец», на который была возложена главная задача по «вразумлению» смутьянов, 1 июля 1905 г. сел на мель. Понятно, что командованию надо было решать эту проблему, отвлекаясь от главной цели. Еще большую критику П. Гинце вызвали распоряжения А.Х. Кригера по маневрированию эскадры на рейде Одессы. По его версии, вечером 30 июня 1905 г. русский контр-адмирал поставил ультиматум перед повстанцами на «Потемкине» о сдаче в плен, дав им 12 часов на обдумывание. В качестве вразумляющего аргумента он выдвинул вперед «Георгия Победоносца». Этот корабль должен был выполнять своего рода функцию «сторожа». Идея в принципе была правильной, но, по мнению П. Гинце, для ее успешной реализации следовало бы привлечь все пять броненосцев, чтобы на корню предотвратить последующие бесчинства (Paul von Hintze, 1998: 157).

Как видно из приведенного материала, германский атташе имел не совсем точную информацию, полученную им «по горячим следам» о том, что действительно происходило в последний день июня 1905 г. в Одессе. Он ничего не говорит о сочувствии экипажей Практической эскадры повстанцам, что выразилось в их отказе открывать огонь по ним, о восстании на «Георгии Победоносце» и сознательной его посадке командой на мель, а также об удачном бегстве броненосца «Князь Потемкин Таврический» в Констанцу (Гаврилов, 1987: 125-163). Тем не менее, П. Гинце четко понимает на тот момент серьезную опасность распространения революционных идей для российского флота. Этому вопросу он уделяет немало внимания, поэтому донесения, в которых рассматривается эта проблема, можно выделить в отдельную группу.

Одними из главных «разносчиков» опасных для государства «революционных бацилл», по глубокому убеждению, П. Гинце, являлись резервисты. Они в связи с русско-японской войной в большом количестве призывались на службу. Так при снаряжении броненосного отряда контр-адмирала Н.И. Небогатова в Либаве, который должен пойти на подмогу 2-й Тихоокеанской эскадре З.П. Рожественского, происходили волнения во флотских экипажах. Из разговоров с русскими офицерами П. Гинце выяснил одну особенность. Она заключалась в том, что особой «ретивостью» отличались именно те команды, которые более чем на половину состояли как раз из резервистов. Да и сами «кадровики» (от лейтенанта и выше) отмечали, что человек, который провел 7 лет на службе на корабле, затем вернулся к себе домой в деревню, больше не пригоден для службы на корабле. По их мнению, «эти резервисты – настоящие революционеры» (Paul von Hintze, 1998: 156).

Разбираясь в причинах «особой» подверженности резервного состава бунтарским настроениям П. Гинце выделил ряд закономерностей организационно-воспитательного характера. Как он отмечал, призываемые с лета 1904 г. в большом количестве «запасники» долгое время содержались в казармах, абсолютно предоставленные самим себе. Никакого надзора над ними не осуществлялось.

По наблюдениям П. Гинце, даже в Петербурге можно было видеть нередко абсолютно ничем не занятых, праздно гуляющих матросов. Неудивительно, что они легко поддавались под влияние революционных пропагандистов и, напившись их лозунгами, распространяли их затем в экипажах. По данным, которыми располагал немецкий морской атташе, контр-адмирал З.П. Рожественский, командующий Второй тихоокеанской эскадрой, имел на своих кораблях 1/7 резервистов, а контр-адмирал Н.И. Небогатов, руководивший 3-м броненосным отрядом Второй тихоокеанской эскадры – от 1/3 до 1/2 (Paul von Hintze, 1998: 174). В одном из своих донесений А. Тирпицу весной 1905 П. Гинце выражал даже удивление по поводу того, что революционные настроения не успели захватить это последнее морское соединение (BA-MA. RM 3/2967. Bl. 75).

Однако проблема революционности не исчерпывалась только «запасниками». События в Кронштадте и Севастополе в октябре-ноябре 1905 г. подтверждали это со всей очевидностью. По словам, П. Гинце, особо неприятным и неожиданным для российских властей стал бунт моряков в Кронштадте 8–11 ноября 1905 г. (BA-MA RM 3/2967. Bl. 151-162). Учитывая причины его возникновения, морской министр вице-адмирал А.А. Бирилев в октябре – ноябре 1905 г. лично провел несколько инспекций Черноморского флота, встречался с матросами, беседовал с ними и никаких критических жалоб и пожеланий от них не получил. При этом гражданские и военные власти самых разных уровней, по убеждению П. Гинце, очень плохо учли опасность пагубного воздействия социал-демократической пропаганды на умы и настроения военнослужащих и не предпринимали должных действий как по отношению к агитаторам, так и подпавшим под их влияние людям в форме. Как полагал, германский военно-морской атташе, недопустимую лояльность по отношению к бунтарям проявило и правительство С.Ю. Витте. Оно не использовало всего арсенала предоставляемых законами средств, чтобы жестко подавлять любые поползновения на существующий порядок (Paul von Hintze, 1998: 172).

По мнению П. Гинце, определенные успехи революционной агитации на флоте были обусловлены целым рядом недостатков существующей в России призывной системы. О большой части из них германский атташе умалчивает, указывая только на одну из них – образовательный уровень новобранцев. Проблема грамотности российских призывников, безусловно, была серьезной. Однако П. Гинце, хорошо знакомый с российской военной системой почему-то ничего не говорит о том, что служба в армии для интеллигенции не считалось престижным делом, она была местом ссылки «неблагонадежных студентов», что также влияло на армейские умонастроения (Керсновский, 1994: 151-152). Как писал немецкий атташе, речь идет о том, что на флот, ввиду сложности имеющихся на нем механизмов и оборудования, призывались в основном представители из рабочего класса и ремесленников, что в реальности не совсем было так (Бескровный, 1986: 210-211). Они, продолжал он дальше, в большой своей массе (по данным П. Гинце, на 70 %) были грамотными, что примерно соответствовало действительности (Большая Советская Энциклопедия, 1952: 434). Далеко нередко они приходили на службу с уже своими представлениями «о справедливом государстве и порядках в нем», почерпнутыми из «вредных изданий», и, будучи под присягой, продолжали утверждаться в этих «заблуждениях» и более того – распространять их в матросской среде. Иное дело – сухопутная армия. Туда брали главным образом безграмотное крестьянство, проявлявшее «более стойкий иммунитет» ко всякому роду нигилистической литературы (BA-MA. RM 3/2967. Bl. 151-162). П. Гинце не дает рецепта, как же все-таки решить дилемму грамотных допризывников, в которых нуждался флот ввиду его технической сложности, и сохранение их лояльности к власти.

Еще одна причина, по которой в экипажах имели хождение социал-демократические идеи, по глубокому убеждению, П. Гинце, заключалась в предпочтении офицеров заниматься в первую очередь тактическими и техническими вопросами, а воспитание личного состава уходило у них на задний план. П. Гинце писал, что среди русских морских командиров самого разного уровня мало было тех, кто мог быть по-настоящему неформальным лидером, учить, заботиться не только о телесном здравии, но и правильным внутреннем духовном настрое подчиненных. Объяснялось это независимыми объективными обстоятельствами, в которых проходила их служба. Действительно, чрезвычайное и быстрое развитие морской боевой техники начала XX в. требовало от офицеров максимальных физических и умственных затрат для ее освоения (Крестьянинов, 2000; Каторин, 2008). На это уходила немалая часть их служебного времени. В число трудоемких вопросов, а, соответственно, еще больше усложнявших жизнь командного состава на корабле, входило решение запутанных тактических и стратегических задач как во время боевых учений, так и при подготовке к ним, что, правда, не сказалось на успехах в войне против японцев (Павлович, 1979: 300). Все это в совокупности настолько загружало дневной распорядок офицеров, что отвлекало их от вопросов воспитания – фундамента подготовки успешных действий в морском бою. Русский офицерский корпус, констатировал П. Гинце, пренебрегал этим древним правилом, поэтому, несмотря на отличное знание им техники, подобная характеристика несколько понижала его профессионализм. Негативные последствия явно недостаточного внимания командиров к вопросам воспитания наглядно проявились в бунтарские месяцы 1905 г.

За примерами П. Гинце далеко ходить не пришлось. Он при рассмотрении кронштадтского возмущения в ноябре 1905 г. отметил, что некоторые офицеры, переодевшись в гражданскую одежду, просто напроsto сбежали от матросов. В Севастополе ситуация была не лучшей. Во время бунта часть

командного состава была обезоружена и арестована. В Петербурге, по данным П. Гинце, многие офицеры вообще не думали идти к своим подчиненным в казармы, когда в 14 экипажах начались волнения. Единственно кого выделил немецкий атташе в те «смутные времена» был лейтенант П.П. Шмидт на крейсере «Очаков» в Севастополе, поскольку обладал лидерскими качествами, имел авторитет и уважение у матросов и сумел повести их за собой (Paul von Hintze, 1998: 173). Масштабность волнений на флоте осенью 1905 г. П. Гинце объяснял еще и тем, что действовавшее российское правительство связывало военным руки и не давало им применить силу против бунтовщиков. Немецкий морской представитель отмечал, что оно бросило на произвол «политического совращения» армию, свободно допуская в ее рядах хождение «неблагонадежных» газет и прокламаций. Как полагал П. Гинце, подобного отношения не выдержала бы даже самая лучшая армия мира. Среди наиболее вредных для умонастроений военнотружущих изданий он выделял суворинскую либерально-кадетскую «Русь», либеральную «Сын Отечества» и большевистскую «Новую жизнь», считая эти газеты, без акцента на имеющиеся между ними политические различия, одинаково опасными (Paul von Hintze, 1998: 173).

Особой темой интересов П. Гинце в 1904–1905 гг. было изучение общего состояния настроений в российской армии, и главным образом среди офицеров, выяснение их отношения к Николаю II. Как он сам замечал, заниматься этим делом было крайне непросто, поскольку ему, как немецкому подданному, т.е. иностранцу, русские «не открывались всей душой» и старались в основном выражать исключительно лояльные чувства. Поэтому собранный материал, по его заявлению, страдал определенной односторонностью. При всех традиционных сдерживающих факторах (недопустимость оценивать «помазанника Бога» и верховного главнокомандующего) некоторые «респонденты» допускали «вольность» судить царя. Они в качестве «слабых» черт императора отмечали его доверчивость, добродушие и снисходительность (Paul von Hintze, 1998: 159). Особую привязанность и преданность царю П. Гинце отмечал только среди офицеров, входящих в окружение Николая II, но и они открыто это не проявляли, были эмоционально сдержаны.

Резюмируя свои наблюдения, П. Гинце отмечал, что русский офицерский корпус по отношению к своему верховному главнокомандующему (царю) не проявлял какой-то особой внешне заметной теплоты, относился без робости, не давал высоких личностных характеристик. Имевшее, конечно же, в нем и место почтение, скорее всего, по мысли П. Гинце было обусловлено традиционным, «инстинктивным уважением» к потомственному правителю. Следствием же выражения «формальной почтительности» вполне могло стать и непротивление смене правителя. Правда, это умозаключение П. Гинце делал чисто гипотетически, поскольку ни один из его «интервьюируемых» не высказывался именно таким образом, даже когда подчеркивалась опасность того, что нынешнее революционное движение может привести к убийству царя. О последствиях такого хода развития событий русские офицеры предпочитали ничего не говорить (Paul von Hintze, 1998: 160–161).

Впрочем, П. Гинце располагал и другими сведениями, свидетельствующими о крайне пессимистических настроениях в офицерском корпусе и готовности его предпринять самые решительные действия не только по отношению к бунтарям, но и к царю, вплоть до его низложения. Правда эти «новости» распространяли репортеры, к которым П. Гинце относился крайне подозрительно. С осторожностью он отнесся и к конфиденциальным сообщениям своего французского коллеги Белуа (Belloy), утверждавшего, что якобы располагает вполне надежными данными о намерениях штаб-офицеров гвардейского полка, расквартированного в Красном Селе, к каким-то решительным действиям в январе 1906 г., возможно, даже и против Николая II. Однако каких-либо подтверждающих документов этим фактам германский атташе не получил. Тем не менее, утаивать такие важные сведения, пусть и непроверенные, П. Гинце не мог, поэтому он их перенаправил рейсканцлеру Б. Бюлову, сопроводив собственными комментариями. В них, в частности, говорилось, что англичане и французы заняли явно небеспристрастную позицию в деле предполагаемого «заговора русских офицеров», так как они, «исходя из имеющегося опыта не ожидают, от него (Николая II – С.С., С.Ш.) большого согласия на их планы» (ВА-МА. RM 38/154. Вл. 117-118). В Берлине также прекрасно понимали, что изменение правления в России таит в себе большие угрозы. Это могло окончательно и бесповоротно переориентировать ее на Францию и Великобританию. Поэтому П. Гинце получил указание продолжать отслеживать настроения офицеров в армии и на флоте, чтобы политическое руководство кайзеровской Германии могло держать «руку на пульсе» для принятия своевременных, превентивных решений.

Другой важной темой, часто поднимаемой в донесениях П. Гинце в 1904–1905 гг., была, конечно же, русско-японская война, что было неудивительно. Немецкое руководство очень внимательно следило за событиями, происходившими на Дальнем Востоке, стараясь максимально учесть весь позитивный и негативный опыт ведения морских боевых действий. Уже в начале октября 1904 г. Вильгельм II потребовал от А. Тирпица первых предварительных набросков относительно выявленных уроков из морского противостояния России и Японии. Военно-морской статс-секретарь обещал представить их к середине следующего месяца (ВА-МА. RM 3/4305. Вл. 146). Это было исполнено 15 ноября 1904 г. после заседания специальной группы ведомства, протокол которого был передан императору (ВА-МА. RM 3/2596. Вл. 3-7). Вне всякого сомнения, что в своих предварительных суждениях о происходящих за тысячу миль от Берлина событиях А. Тирпиц основывался как на

мнениях «домашних», министерских экспертов, так и на донесениях П. Гинце (BA-MA. RM 3/4314. Bl. 56-68; BA-MA. RM 3/4314. Bl. 77-80; BA-MA. RM 3/4314. Bl. 46-55; BA-MA. RM 3/4314. Bl. 69-76).

Если говорить о его посланиях в 1904 г., то в них значимое место занимали рассуждения о шансах России на победу даже после ряда ее неудачных действий на море (Paul von Hintze, 1998: 132-133). П. Гинце не был категоричен ни в утвердительном, ни отрицательном ответе на этот значимый не только для российских, но и германских властей вопрос, понимая, что русские не сказали еще «своего последнего слова», тем более что в этот период времени шла подготовка к отправке 2-й Тихоокеанской эскадры во главе вице-адмиралом З.П. Рожественским. Если же все-таки подходить с «провизорской дотошностью» к оценке позиции П. Гинце, то, пожалуй, можно констатировать в ней некоторое доминирование оптимистических ожиданий. Не случайно это побудило А. Тирпица в июле и сентябре 1904 г. обратиться к П. Гинце с просьбой обратить внимание российского военно-морского руководства на необходимость наступательных действий. Не исключается, что такая же задача была поставлена перед ним, когда кайзер и Штаб Адмиралтейства давали согласие на участие П. Гинце в дальнем походе 2-й Тихоокеанской эскадры, тем более, что эта инициатива исходила от З.П. Рожественского, который явно проникся доверием к германскому атташе (BA-MA. RM 3/2847. Bl. 43-45). Однако по неизвестным причинам «морское путешествие» немецкого представителя не состоялось.

В донесениях П. Гинце в 1905 г. условно выделялись два аспекта: перспективы ведения войны после июля 1905 г. и причины поражения эскадры во главе вице-адмирала с З.П. Рожественским в Цусимском проливе.

Согласно данным, которыми располагал германский военно-морской атташе, в июле 1905 г. Николай II получил заверения от военных руководителей страны разных рангов, что войска боеспособны и решительно настроены на победу. Такие заявления исходили от командующего вооруженными силами на Дальнем Востоке генерала Н.П. Линевича, военного министра А.Ф. Редигера и морского министра вице-адмирал А.А. Бирилева, который в июле 1905 г. побывал в местах сражений. Именно они предостерегали Николая II от заключения «слабого» для России мирного договора, относительно которого зондирование велось со стороны обеих воюющих сторон. Как считал П. Гинце у русских было определенное желание к заключению мира, особенно после восстания на броненосце «Потемкин Таврический». Однако давление со стороны представителей военной партии, в том числе и в прессе, сделало свое дело – царь и правительство со спокойствием и уверенностью стали смотреть на продолжение войны (Paul von Hintze, 1998: 162). С другой стороны, германский атташе расценивал воинственную риторику русских как своеобразный способ воздействия на японцев, чтобы те умерили свои аппетиты на предстоящих в Портсмуте мирных переговорах. Но как бы там ни было, на отрезке времени июль-начало сентября 1905 г. П. Гинце констатировал настроенность руководства России воевать без тяжелых для себя последствий.

Разбирательству причин поражения 2-й тихоокеанской эскадры П. Гинце посвятил несколько донесений, но, скажем так, «концептуальным» можно назвать то, которое было датировано 28 августа (по старому стилю) 1905 г. (Paul von Hintze, 1998: 163-167). Оно, несмотря на свою относительную краткость, действительно многопланово и вскрывает технические, тактические и личностно-субъективные причины цусимской трагедии, безусловно, внесшей «свою лепту» в конечный проигрыш Россией войны. Не имеет большого смысла останавливаться на всех указанных подоплеках, они в последствии были подтверждены, но более подробно и обстоятельно в «Заключении следственной комиссии по выяснению обстоятельств цусимского боя», опубликованном в нескольких номерах «Морского сборника» в 1917 г. (Заключение Следственной комиссии, 1917). Все, обусловившие провал «миссии» З.П. Рожественского. И первую очередь он отметил ошибочность решения П. Рожественского идти по так называемой «корейской трассе», вместо безопасного обхода Японии, при том, что имеющиеся на кораблях запасы угля вполне позволяли это сделать (Paul von Hintze, 1998: 166). Впрочем, он объясняет это не чем иным, как желанием соединиться как можно скорее с теми силами, которые находились во Владивостоке.

Именно данный фактор, по мнению П. Гинце, повлиял на один из главных недостатков строя русских кораблей в момент их встречи с японскими силами – его растянутость. Как полагал германский атташе, З.П. Рожественский был все-таки в первую очередь настроен не на сражение, а на быстрое прохождение опасного участка. Отсюда и проистекала ошибка тактического характера – отсутствие концентрации кораблей разных классов для успешного ведения морского боя. В свою очередь уничтожающий огонь противника по «распыленным» русским боевым судам и не столь их успешные ответные действия негативно повлияли на моральное состояние команд, обрушив, как писал П. Гинце, «знаменитую русскую выдержку» (Paul von Hintze, 1998: 164). Ранение в голову практически в начале Цусимского сражения выбило З.П. Рожественско из строя. К сожалению, среди других адмиралов эскадры не нашлось достойной личности, которая смогла бы взять нити управления боя на себя. На эту роль не подошли ни контр-адмирал Н.И. Небогатов, ни вице-адмирал О. А. Энквист, Последний как писал П. Гинце, вообще был из «зры парусного флота, и не соответствовал тем задачам, которые стояли пред ним в цусимских событиях» (Paul von Hintze, 1998: 164).

Особо отмечал германский атташе напряженное внутреннее состояние З.П. Рожественского во время дальнего перехода, негативно повлиявшее на его действия в ходе Цусимского боя. Ведь он до

последнего держал в неведении подчиненных относительно собственных планов. По мнению П. Гинце, это конечно же являлось грубой ошибкой, в итоге негативно сказавшейся на результатах дальневосточной экспедиции 2-й Тихоокеанской эскадры.

Как военно-морской специалист германский атташе уделял немалое внимание выводам русских инженеров относительно необходимости внесения изменений в конструкции кораблей. Речь шла, например, об увеличении числа орудий крупного калибра (305 мм и больше), уменьшении броневых слоев с учетом ведения боя на средних и дальних дистанциях и т.д. Всю эту информацию П. Гинце черпал не только из закрытых доверительных, но и вполне доступных источников – российской периодической печати, на страницах которых обсуждались уроки войны с Японией (BA-MA. RM 5/1434. Bl. 173-174).

Отдельной темой донесений германского атташе были русско-германские отношения. Он, в силу своих функциональных возможностей, также работал в русле втягивания России в «немецкий фарватер», хотя, как показали дальнейшие события, это не оказало нужного воздействия (Бюлов, 1935: 300-308). Российский император принимал и соглашался с заверениями Вильгельма II в преданности монаршей солидарности, как об этом говорилось, например, в одном из писем кайзера из Роминтена 26 сентября 1905 г. (Wilhelm II, 1920: 381). Однако все же, под влиянием своих министров, стремился сохранять самостоятельность и не быть обязанным чем-либо кузену в военно-политически значимых «щекотливых» вопросах. Об этом свидетельствовал, в частности, эпизод, связанный с организацией «почтовой службы» между Мемелем и Петергофом осенью 1905 г.

С согласия Николая II 30 октября 1905 г., когда в разгаре была всероссийская октябрьская политическая стачка, Вильгельм II выделил несколько боевых кораблей германского флота (малый крейсер «Lübeck» и несколько миноносков), чтобы обеспечить связь царского двора с внешним миром в случае всяких непредвиденных обстоятельств. Через два дня, 2 ноября 1905 г., П. Гинце, которому было поручено контролировать этот процесс, появился в Петергофе на миноносках D7 и S93. 4 октября прибыло еще два немецких корабля. Однако уже третьего числа того же месяца Николай II просит германского атташе прекратить эту помощь под предлогом наличия для этого российских судов (Paul von Hintze, 1998: 168). Эта просьба, естественно, была удовлетворена и 4 октября 1905 г. немецкая «особая морская фельдъегерская связь» прекратила существование, не успев начаться, о чем П. Гинце сообщал А. Тирпицу накануне (BA-MA. RM 3/41. Bl. 27). При этом он писал, что царь передавал благодарность кайзеру за его помощь с «почтовыми судами» и в качестве выражения этой признательности наградил командиров миноносков D.7 и S.93 орденом Станислава второй степени.

4. Заключение

Проанализировав наиболее значимую в содержательном отношении часть донесений германского военно-морского атташе в России П. Гинце в период 1904–1905 гг. можно прийти к ряду выводов. Немецкий представитель морского ведомства был, что называется, не «рядовым информатором». Он доносил значимые в военно-политическом отношении аналитические сведения для А. Тирпица, Б. Бюлова и кайзера Вильгельма II. П. Гинце, один из немногих вообще немецких военных представителей за рубежом, кто имел право личного обращения к императору с донесениями. Это лишнее подчеркивало его особый статус, а также значимость той страны, в которой он работал в интересах II-го рейха. Ценность донесений П. Гинце для властей империи определялась тем, что Германия в этот период, когда началось серьезное обострение отношений с Великобританией, нуждалась в новых союзниках и поэтому руководство страны собирала всю самую значимую информацию относительно «союзоспособности» русских. Поэтому «вестям» из российских пределов, в которых происходили революционные события, в том числе и по причине неудач в Русско-японской войне, предавалось большое значение. Оценивая в целом гинцевские наблюдения и референции, можно констатировать, что за некоторым небольшим исключением, главным образом по причине противоречивости или недоступности информации, они характеризовались аналитичностью, точностью и полнотой, какая была только возможна в обстановке быстро меняющихся событий. П. Гинце умел не только располагать к себе людей и склонять их к откровенному разговору и получать интересующую его информацию. Он обладал качеством опытного аналитика, что называется, «зрел в корень», отделял главное от второстепенного, тщательно препарировал выделенный им проблемный аспект, прогнозировал наступление определенных политических актов. П. Гинце в 1904–1905 гг. рассмотрел главные, на его взгляд, причины революционных настроений на российском флоте, уловил антицаристские настроения в элитной офицерской среде и показал, насколько это опасно было для действующей власти Николая II, что подтвердили события конца февраля 1917 г. Германский атташе попытался проанализировать психологическое состояние вице-адмирала З.П. Рожественского во время тяжелого перехода 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток, что, по его мнению, прямым образом повлияло на трагические результаты «цусимского боя».

Вне всяких сомнений, официальный Берлин от своего военно-морского атташе в 1904–1905 гг. получал вполне исчерпывающую и в целом объективную информацию о военно-политических событиях, происходивших в России.

Литература

- Бескровный, 1986** – *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука 1986. 242 с.
- Большая Советская Энциклопедия, 1952** – *Большая Советская Энциклопедия.* Изд. 2. Т. 12. М.: Большая Советская Энциклопедия, 1952. 636 с.
- Бюлов, 1935** – *Бюлов Б.* Воспоминания. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. 562 с.
- Гаврилов, 1987** – *Гаврилов Б.И.* В борьбе за свободу: Восстание на броненосце «Потемкин». М.: Мысль, 1987. 222 с.
- Заключение Следственной комиссии, 1917** – Заключение Следственной комиссии по выяснению обстоятельств Цусимского боя. Неофициальный отдел // *Морской сборник.* 1917. №7. С. 1-32; №8. С. 1-49; №9. С. 1-57.
- Каторин, 2008** – *Каторин Ю.Ф.* Броненосцы. Спб.: Галея Принт, 2008. 232 с.
- Керсновский, 1994** – *Керсновский А.А.* История русской армии. В 4-х т. Т.3. М.: Голос, 1994. 352 с.
- Крестьянинов, 2009** – *Крестьянинов В. Я.* Крейсера Российского императорского флота. 1856-1917 гг. Часть II. М.: Галея Принт, 2009. 292 с.
- Лихарев, 1998** – *Лихарев Д.В.* Гонка морских вооружений как причина и следствие Великой войны // *Первая мировая война. Пролог XX века.* М., 1998. С. 537-554.
- Павлов, 2016** – *Павлов Д.Б.* Русско-японская война 1904–1905 гг.: секретные операции на суше и море. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 512 с.
- Павлович, 1979** – *Павлович Н.Б.* Развитие тактики военно-морского флота. В 4-х ч. Ч 1. М.: Воениздат, 1979. 320 с.
- Сокольская, 1987** – *Сокольская И.Ф.* Строительство военно-морского флота в Германии и англо-германские противоречия к концу XIX началу XX века // *Ежегодник германской истории 1986.* М., 1987. С. 74-99.
- Синегубов, 2009** – *Синегубов С.Н.* Синдром «военной угрозы» как постоянный фактор германо-английских отношений 1904–1911 гг. // *Известия Алтайского государственного университета.* 2009. № 4/1 (64/1). С. 202-210.
- Туполев, 1982** – *Туполев Б.М.* Кайзеровский военно-морской флот рвется на океанские просторы // *Новая и новейшая история.* 1982. № 3. С. 123-164; № 4. С. 137-155.
- Шилов, 2004** – *Шилов С.П.* Русско-японская война 1904-1905 годов и германское военно-морское ведомство // *Новая и новейшая история.* 2004. № 5. С. 52-68.
- ВА-МА. RM** – Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg. BRD)
- Paul von Hintze, 1998** – *Paul von Hintze.* Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / Eingeleit. und herausg. von J. Hürter. München: Boldt im Oldenbourg-Verlag, 1998. 754 p.
- Wilhelm II, 1920** - *Briefe Wilhelms II an den Zaren, 1894–1914* / hrsg., eingeleit. von W. Goetz ; die Übers. besorgte M. Th. Behrmann. Berlin: Ullstein, 1920. 439 p.

References

- Beskrovnyy, 1986** – *Beskrovnyy L.G.* (1986). Armiya i flot Rossii v nachale XX veka. Ocherki voyenno-ekonomicheskogo potentsiala. [Army and the fleet of Russia at the beginning of the 20th century. Sketches of military-economic potential]. M.: Nauka. 242 p. [in Russian].
- Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya, 1952** – *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya.* Izd. 2. T. 12. [Big Soviet Encyclopedia. Edition 2. Volume 12.] M.: Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya. 1952. 636 p. [in Russian].
- Byulov, 1935** – *Byulov B.* (1935). Vospominaniya. [Memoirs] M.; L.: Sotsekgiz. 562 p. [in Russian].
- Gavrilov, 1987** – *Gavrilov B.I.* (1987). V borbe za svobodu: Vosstaniye na bronenostse «Potemkin». [In fight for freedom: A revolt on a battleship «Potemkin»] M.: Mysl. 222 p. [in Russian].
- Zaklyucheniye Sledstvennoy komissii, 1917** – *Zaklyucheniye Sledstvennoy komissii po vyyasneniyu obstoyatelstv Tsusimskogo boya.* [Conclusion of Commission of inquiry on clarification of circumstances of the Tsushima fight], Neofitsialnyy otdel. Morskoy sbornik. 1917. N.7. pp. 1-32; N.8. pp. 1-49; N.9. pp. 1-57. [in Russian].
- Katorin, 2008** – *Katorin Yu.F.* (2008). Bronenostsy. [Battleships] SPb.: Galeya Print. 232 p. [in Russian].
- Kersnovskiy, 1994** – *Kersnovskiy A.A.* (1994). Istoriya russkoy armii. V 4-kh t. T.3. [History of the Russian army. In 4 volumes. Volume 3]. M.: Golos. 352 p. [in Russian].
- Krestianinov, 2009** – *Krestianinov V.Ya.* (2009). Kreysera Rossiyskogo imperatorskogo flota. 1856–1917 gg. Chast II.[Cruiser of the Russian imperial fleet. 1856–1917. Part II] M.: Galeya Print. 292 p. [in Russian].
- Likharev, 1998** – *Likharev D.V.* (1998). Gonka morskikh vooruzheniy kak prichina i sledstviye Velikoy voyny [Race of sea arms as cause and effect of Great war], Pervaya mirovaya voyna. Prolog XX veka. M. pp. 537-554. [in Russian].

Pavlov, 2016 – *Pavlov D.B.* (2016). Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg.: sekretnyye operatsii na sushe i more. [Russian-Japanese war of 1904–1905: confidential operations on the land and the sea]. 2-e izd. pererab. i dop. M.: Institut rossiyskoy istorii RAN: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 512 p. [in Russian].

Pavlovich, 1979 – *Pavlovich N.B.* (1979). Razvitiye taktiki voyenno-morskogo flota. V 4-h ch. Ch 1. [Development of tactics of navy. In 4 parts. Part 1]. M.: Voenizdat. 320 p. [in Russian].

Sokolskaya, 1987 – *Sokolskaya I.F.* (1987). Stroitelstvo voyenno-morskogo flota v Germanii i anglo-germanskiye protivorechiya k kontsu XIX nachalu XX veka [Construction of navy in Germany and the Anglo-German contradictions by the end to the XIX beginning of the XX century]. *Ezhegodnik germanskoy istorii* 1986. M. pp. 74-99. [in Russian].

Sinegubov, 2009 – *Sinegubov S.N.* (2009). Sindrom «voyennoy ugrozy» kak postoyannyy faktor germano-angliyskikh otnosheniy 1904–1911 gg. [Syndrome of "military threat" as constant factor of the German-English relations 1904–1911]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. N.4/1 (64/1). pp. 202-210. [in Russian].

Tupolev, 1982 – *Tupolev B.M.* (1982). Kayzerovskiy voyenno-morskoy flot rvetsya na okeanskiye prostory [The Kayzerovsky navy is torn to ocean open spaces]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. N.3. pp. 123-164; N.4. pp. 137-155. [in Russian].

Shilov, 2004 – *Shilov S.P.* (2004). Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 godov i germanskoye voyenno-morskoye vedomstvo [Russian-Japanese war of 1904–1905 and German naval department]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. N. 5. pp. 52-68. [in Russian].

BA-MA, RM – Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg, BRD) [In Deutsch].

Paul von Hintze, 1998 – *Paul von Hintze*. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / Eingeleit. und herausg. von J. Hürter. München: Boldt im Oldenbourg-Verlag, 1998. 754 p. [In Deutsch].

Wilhelm II, 1920 – *Briefe Wilhelms II an den Zaren, 1894–1914* / hrsg., eingeleit. von W. Goetz; die Übers. besorgte M. Th. Behrmann. Berlin: Ullstein, 1920. 439 p. [In Deutsch].

УДК 930.23:323.2(470+571) «1904/1905»

Военно-политические события в истории России 1904–1905 гг. в интерпретации германского морского атташе П. Гинце

Станислав Николаевич Синегубов^{a, *}, Сергей Павлович Шилов^a

^a Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал ТюмГУ), Российская Федерация

Аннотация. В статье на основании в том числе и впервые вводимых в научный оборот в отечественной историографии немецких архивных документов анализируется интерпретация военно-политических событий 1904–1905 гг. в России германским военно-морским атташе П. Гинце. Эта тема раскрывается путем характеристики донесений представителя II-го рейха, в которых затрагиваются наиболее актуальные вопросы, связанные с революционными выступлениями на флоте, причинами их происхождения, настроениями в офицерской среде, факторами, обусловившими «цусимскую трагедию». Автор приходит к выводу, что наблюдения и референции П. Гинце в целом, за небольшим исключением, характеризовались аналитичностью, точностью и полнотой, несмотря на калейдоскопическую быстроту смены «военно-политических декораций». Германский военно-морской атташе смог достигать такого положительного результата не только благодаря своей открытости, умением располагать к себе людей самых разных «уровней и сословий» и получать таким образом информацию из разных источников, но умением ее препарировать, выделять главное и существенное из большого потока фактов и на основе этого прогнозировать дальнейшее развитие ситуации в политической и военной сферах жизни российского государства. Без сомнений, высокое качество содержательных данных, предоставляемых П. Гинце различным высоким правительственным структурам кайзеровской Германии – от А. Тирпица до Вильгельма II – повлияло самым существенным образом на выработку в последующем «русской политики» германского государства.

Ключевые слова: Российская империя, кайзеровская Германия, морской атташе, буржуазная революция 1905–1907 гг., революционные выступления на флоте, русско-японская война 1904–1905 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: globus_75@inbox.ru (С.Н. Синегубов), sshilov@mail.ru (С.П. Шилов)